

Ирина Валерьевна Чернова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, irva16@mail.ru

ПОЛЕВАЯ ЖИЗНЬ: ПАМЯТЬ И РЕФЛЕКСИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПРАКТИК ОМГУ 1990–2023 гг.)¹

Аннотация. Основное внимание автора сосредоточено на вопросах сохранения памяти об этнографических практиках и экспедиционной жизни и превращения повествования о них в «живую» историю. Исследовательская оптика сфокусирована на проблеме трансляции и передачи традиций, формируемых в рамках практики. Научная новизна определена тем, что этнографические/этнологические практики, как правило, выпадают из исследовательского поля, несмотря на возрастающий интерес к анализу проблематики организации полевой работы. Основным источником стали коллективные документы, создаваемые на практике, для анализа которых были использованы методы анализа дневников с элементами тематического моделирования.

Ключевые слова: студенческие этнографические практики; стенгазеты; коллективная память; записки этнографов.

Irina V. Chernova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, Irinuchka79@mail.ru

FIELD LIFE: MEMORY AND REFLECTION (BASED ON MATERIALS FROM STUDENT ETHNOGRAPHIC PRACTICES AT OMSU, 1990–2023)

Abstract. The author focuses on issues of preserving the memory of ethnographic practices and expedition life, and on transforming corresponding narratives into a “experiential” story. The research optics center on the display and transmission of traditions formed within the framework of these practices. The study’s novelty lies in its attention to ethnographic and ethnological practices, which are often overlooked in academic research despite growing interest in fieldwork methodology. The primary sources analyzed are collective documents produced during student fieldwork, examined using diary analysis methods with elements of thematic modeling.

Keywords: student ethnographic practices; wall newspapers; collective memory; ethnographer notes.

Современные дискуссии и научные проекты последних лет демонстрируют востребованность тем, связанных с анализом специфики полевой работы, однако за рамками обсуждения остается такой ее формат, как студенческая этнологическая/этнографическая практика и экспедиция, а ведь именно они часто становятся первым опытом экспедиционной работы для многих исследователей. Именно это обстоятельство и определяет новизну и актуальность данной работы. Ее основная цель состоит в том, чтобы выяснить, каким образом выстраиваются размышления о погружении в полевую жизнь у студентов и исследователей, понять механизмы сохранения памяти и формирования традиции в рамках профессионального сообщества, а также обозначить социальные функции быта в экспедиции, сделать его «видимым».

Для анализа были выбраны индивидуальные дневниковые записи, авторами которых являлись студенты-практиканты и преподаватели – руководители практик, описывающие исследовательский и организаторский опыт, содержащие воспоминания о студенческих поездках, а также схожие по тематическому содержанию коллективные до-

кументы, освещающие полевую жизнь. Выбор источников был обусловлен необходимостью выявления глубинных связей, которые выстраиваются внутри группы. Кроме того, выявление наиболее обсуждаемых в них сюжетов давало возможность на микроуровне понять процесс создания коллективной памяти об экспедициях. При этом основное внимание было уделено сюжетам, которые вызывают рефлексии, повторяются вне зависимости от состава и места проведения экспедиции, тем самым можно выяснить наиболее эмоционально окрашенный и травматичный экспедиционный опыт. Для этого были использованы методы анализа дневниковых записей, а также некоторые элементы тематического моделирования, которое в большей степени пригодно для больших массивов документов, в данном случае оно было привлечено для выявления структуры записей. При построении исследования основной упор был сделан на автоэтнографический подход, дополненный работами в области микроистории.

Экспедиционная жизнь не раз становилась объектом для исследовательской рефлексии. Условно ее можно разделить на несколько уровней.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01393, <https://rscf.ru/project/25-28-01393/>.

Высокая степень обобщения характерна для историографических и методических работ. Как правило, они возникают в тот момент, когда накоплен определенный пласт материалов, и свидетельствуют о появлении профессионального сообщества. Его складывание в современной отечественной антропологии приходится на начало 2000-х годов, а рефлексия происходит в рамках антропологии академической жизни [1; 2]. До начала 2000-х гг. использовался ряд других терминов «этнография этнографии», «автоэтнография», «рефлексивная этнография» и ряд других [3, с. 12].

Следующий уровень – научные публикации, формирующие «экспедиционный» дискурс. Их авторы, как правило, руководители и участники экспедиций, которые обобщают свой персональный опыт как руководителя и транслируют сюжеты из жизни студентов. Большая их часть оформлена в биографическом жанре заметок и воспоминаний. Подобная форма повествования дает возможность сформировать многослойное поле, объединяющее серьезные методические и методологические сюжеты с повседневностью и курьезами. Здесь мы наблюдаем полевую жизнь как сочетание науки и коммуникации. Авторами «заметок», «дневников», «воспоминаний» являются, как правило, уже состоявшиеся ученые, имеющие вес в науке, но подчеркивающие несерьезность своих воспоминаний, тем самым проводящие условную границу между научными исследованиями и повседневными аспектами бытовой жизни в экспедиции [4–7]. Хорошо это иллюстрирует вводная статья к воспоминаниям В. М. Кулемзина: «На мое 50-летие коллеги (сотрудники лаборатории истории, этнографии и археологии Сибири) подарили мне большую толстую тетрадь “Для мемуаров и мудрых мыслей”. Я же постепенно стал заполнять ее описаниями свежих или пробудившихся в памяти курьезов, которые случались на работе, в обычной бытовой суете и во время поездок по Сибири. В моем архиве – десятки тетрадей с полевыми материалами научного характера, и одна, та самая, – отдельная» [7, с. 5]. А также вводная часть «Записок этнографички» Т. Б. Смирновой, где Татьяна Борисовна обрисовывает историю их создания, указывая на их неофициальность, непарадность. «...У памятника должно быть такое основание, возле которого не дежурные митинги проводили бы и венки возлагали, собачки ножку задирали, а такое – чтобы расстелили люди страничку из монографии, закуску на ней разложили, выпили стакан водки и сказали: “А классные были

тетки, прикольные!” Первый кирпич в это основание – эти записки. А поскольку “этнографиня” звучит слишком пафосно, да и представьте себе “графиню”, носящуюся по этнографическим полям в тертых джинсах и резиновых сапогах, пусть будут “Записки этнографички»» [8].

Третий уровень, менее всего представленный в исследовательских работах, составляют материалы, создаваемые студентами во время и после этнологических практик. Именно они и составляют поле «живой» научной истории, дополняя антропологию академической жизни и показывая процессы взаимовлияния между научным и студенческим сообществами. Основу данной работы составляют источники, составленные в ходе студенческих этнографических/этнологических практик/экспедиций ОмГУ начиная с 1976. Выбор этот не случаен, т. к. традиция организации выездных практик в Омском университете насчитывает почти полвека. За это время здесь сложилось несколько экспедиционных коллективов – отрядов, связанных с изучением определенных групп. Самыми ранними среди них были «татарский», руководство которым долгое время осуществлял Н. А. Томилов, и «немецкий», которым руководила Т. Б. Смирнова. Чуть позже появились «Русский» (руководитель – М. Л. Бережнова) и «Прибалтийский», возглавляемый И. В. Лоткиным. Внутри каждого из них формировались локальные традиции, связанные с организацией работы и быта. Эту структуру дополнял этнографический кружок, где обсуждались результаты полевых работ, проводились лекции и праздники.

В источниках меньше всего представлены личные полевые дневники, как опубликованные [9], так и рукописные [10]. В данной работе проанализированы 2 личных полевых дневника. Прежде всего отметим, что их авторы обозначают свое место в сообществе в качестве неофитов, используя термины «начинающий этнограф», «несостоявшийся этнограф». Кроме того, они характеризуют других участников, оценивая их персональные и бытовые навыки, место в иерархии, в связи с чем появляются такие термины, как «субначальство», «почетный лекарь», отражающие организаторские роли и тематику сбора материалов. Данные источники позволяют установить состав отрядов, маршрут поездки, условия организации и происхождения. Объединяет их и то, что оба дневника составлялись во время разъездных практик.

Дневниковые записи дополняют официальные экспедиционные документы, выступая ценным

источником по истории экспедиционной повседневности и коммуникативных практик, складывающихся внутри коллективов. К концу 1990-х гг. формируется пласт новых документов – бракеражных журналов (бракеражек), по сути являющихся коллективными дневниковыми записями. Хотя официальное их назначение – оценка качества приготовления пищи, однако они выходят за установленные рамки, со временем включая экспедиционный фольклор, символику, сопровождаясь визуализацией. Первый бракеражный журнал появился в Русском отряде в 1997 г. в д. Окунево Муромцевского района Омской области, когда студенты нашли на кухне школы официальный школьный бракеражный журнал и начали его заполнять, а затем забрали эти записи с собой: «утащили тетрадку» [11]. В 1997 г. похожий журнал был заведен в Татарском отряде, где он дополнял карточки с меню с обозначением блюд. Карточки составлялись дежурными на каждый прием пищи, при их написании старались не повторяться, например, были «гречка», «каша гречневая (очень вкусная)», «тушенка с гарниром по-большемурлински», «борш» и «борсч». Кроме того, в названия иногда включали важные даты, например, в последний день перед отъездом в Омск в 1997 г. в меню указан «Суп ППЖ – Прощай половая жизнь» [12].

Указанные записи позволяют установить состав отрядов, сложившуюся систему питания, установленные дежурства, праздничные даты, визиты гостей и местные пищевые традиции. Оценка пищи занимала в них важную роль, отражая возникающие в процессе организации питания сложности. Часто студентам приходилось есть разварившиеся макароны и слипшийся рис, что было связано с невозможностью их нормального приготовления в экспедиционных условиях. В связи с чем можно было встретить записи о том, что «макароны отличались крепкими связями» [13], «суп рисовый с укропом (не путать с кашей)» [12]. Особое место занимали ставшие традиционными праздничными элементами торты, за которыми закрепилось наименование «этнографического кирпичика», и блюдо, которое готовилось для посвящаемых в этнографы практикантов – «этнографическая вкусняшка», являющаяся частью инициации. Так, например, в бракеражном журнале за 2023 г. был помещен макет торта в форме фигурки крокодила, на котором было написано «ЗоНи 2023» по названию населенного пункта Золотая Нива, в котором проходила практика [14].

Практика бракеражных журналов сохранялась до 2023 г., часть из них велась на протяжении нескольких лет подряд, например в 2019–2022 гг. С 2006 г. обязательным элементом журнала стало записывание «Гимна этнографов», который разучивали на посвящение в день этнографа. Как уже отмечалось, формат коллективных записей позволял включать не только заметки, связанные с пищей, но также и результаты коллективного или группового творчества. Так, в 2023 г. был записан сценарий фильма «Борьба за разное», в котором были распределены роли для всех участников практики, включая руководителей.

Ведение бракеражного журнала превратилось в устойчивую традицию, благодаря которой студенты-первокурсники могли познакомиться с бытовым и коммуникативным опытом предыдущих экспедиций, с одной стороны, а с другой – использовать его для выстраивания собственных социальных практик. Устойчивость традиции была связана прежде всего с тем, что пища является объединяющим фактором в экспедиционных условиях.

Кроме того, рефлексия по поводу этнологической экспедиции была оформлена в виде стенгазет, активно издаваемых студентами в 1990-е – 2004 гг. [15]. Их создание происходило после завершения экспедиции, газеты вывешивались на 1 сентября перед началом учебного года, а также во время праздничных мероприятий – празднований юбилеев кафедры или этнографических исследований в ОмГУ. К настоящему времени сохранилось 12 газет, начиная с 1983 г. Большая их часть относится к концу 1990-х – началу 2000-х гг. В некоторых из них уже в названии отражена специфика отряда, например, газета немецкого отряда имеет заголовок на немецком языке, газета за 2004 г. называется по месту проведения практики. Во всех газетах присутствует в названии этнографическая тематика, например, газеты за 1983 и 1993 гг. называются почти одинаково – «Этнографическое лето», а в 1997 г. была выпущена газета «Большие Мурлы – 1997. Ну очень большие. Этнограф корпорейшн».

В числе наиболее популярных тем – пища, праздники, устройство места базирования практики и происхождения. На некоторых газетах размещена отрядная символика – флаги. Ряд газет содержит характеристику членов отряда, отражающую специализацию: «Оля – гроза информаторов» – студентка, быстро отработавшая практику, хорошо собирающая информацию; «Саша – личный друг друга кладбища» – студент, привлечен-

ный к исследованию планиграфии кладбища; Саша – «речник-затейник» – студент, занятый в работах по составлению инструментального плана поселения и кладбища. Все эти роли осознавались участниками позднее, фиксировались уже ближе ко времени окончания экспедиции. Интерес представляет и визуальное оформление газет, где-то видна «речная/водная/болотная» тематика, местами – частые выезды в районные центры (изображения баров, автовокзалов и т. п.). Обязательным элементом, освещаемым студентами, является празднование Дня этнографа и посвящение, которому часто отведено довольно большое пространство в центре газеты. Интересны не только визуальные образы, но и сопровождающие их тексты, в которых студенты разделяют применительно к посвящению внутри отряда 2 уровня участников: практику и экспедицию. Так, например, в 1997 г. в сегменте про посвящение было написано: «На практику не нужен нож, Ей в рот лишь пищу ты положи (секрет приготовления этнографической пищи передается из поколения в поколение), и делай с ней, что хошь» [15].

Таким образом, студенческая и исследовательская рефлексия по поводу работы этнологической практики и экспедиции имеет довольно много то-

чек соприкосновения, среди которых можно выделить бытовые условия и прежде всего пищу, общение внутри коллектива и распределение ролей, процесс формирования сообщества – именно им посвящена большая часть размышлений. В ходе рефлексии вырисовываются несколько важных элементов в полевой жизни, отражаемых в эго- и коллективных источниках: наличие коллективного пространства для работы и приема пищи, причем в большинстве случаев эти пространства совпадают; существование внутренней иерархии, включающей уровень руководителя (для большей части студентов это именно руководитель практики, для тех, кто в дальнейшем остается в полевых исследованиях, – учитель, научный руководитель), экспедиции (студентов, имеющих опыт полевой работы) и практикантов; сложности в организации питания (как со стороны руководителя, так и со стороны студентов, часть из которых не имеет навыков приготовления пищи в полевых условиях); специфика работы в поле (часто присутствует фигура информанта). В ходе экспедиционных работ формируется массив неформальных документов, выполняющих функции трансляции истории полевых исследований, сформировавшихся традиций и коллективного опыта.

Список источников

1. Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. II. 333 с.
2. Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. Т. III. 376 с.
3. Комарова Г. А. Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2012. Вып. 229. 36 с.
4. Власова И. В. Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2014. 164 с.
5. Этнограф в поле. Западная Сибирь, 1950–1980-е годы: полевые материалы, научные отчеты и докладные записки / З. П. Соколова. М.: Наука, 2016. 942 с.
6. Смирнова Т. Б. Записки этнографички // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. II. С. 296–313.
7. Кулемзин В. М. Записки этнографа: Жизнь прожить – не поле перейти / ред.-сост. В. П. Зиновьев. Томск: Издательский Дом Томского гос. университета, 2017. 236 с.
8. Смирнова Т. Б. Записки этнографички // Кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета: [сайт]. URL: <https://ethnography.omsu.ru/page.php?id=931> (дата обращения: 01.06.2025).
9. Репин О. Записки несостоявшегося этнографа, или Незавершенный дневник экспедиции // Кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета: [сайт]. URL: <https://ethnography.omsu.ru/page.php?id=803> (дата обращения: 30.04.2025).
10. Записки начинающего этнографа и воспоминания об экспедиции. Июль 1990 // Материалы личного архива О. А. Ландик.
11. Крих А. А., Чернова И. В. Интервью с М. Л. Бережновой // Полевые материалы А. А. Крих, И. В. Черновой, июнь 2025 г.
12. Материалы этнографической практики ОмГУ, 1997 г.
13. Бракеражный журнал Русского отряда 2019–2022 гг. Материалы этнологических практик ОмГУ.
14. Бракеражный журнал Русского отряда 2023. Материалы этнологических практик ОмГУ.
15. Материалы этнографических практик и экспедиций ОмГУ. Стенные газеты 1983–2004 гг.